

O СОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕРОИЧЕСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-90-96>

М. О. Баронова

Московский государственный институт культуры,
Москва, Российская Федерация
e-mail: maritaf1@mail.ru

Аннотация: В статье предлагается анализ категории героического в посвященных Великой Отечественной войне произведениях отечественных писателей. Рассматриваются произведения писателей-эмигрантов «второй волны» (В. Юрасова, Л. Ржевского, М. Корякова, Б. Ширяева, С. Максимова, В. Са-марина) и советской военной прозы (А. Твардовского, К. Воробьева, В. Быкова, Ю. Бондарева), со-поставление которых позволяет выявить как общий идеально-ценностный сегмент, так и специфику эмигрантской литературы. Отмечена особая роль антропологического аспекта героического в ли-тературе представленного периода (с акцентуацией философского осмыслиения общечеловеческих ценности в «лейтенантской прозе») и культуры эмпатии в прозе эмигрантов. Представлены особен-ности передачи военного дискурса посредством решения проблемы нравственного выбора человека и бинарных оппозиций «жизнь – смерть», «жестокость – милосердие». Сделаны выводы о единстве духовно-нравственных проблем, волновавших российских писателей в середине XX века.

Ключевые слова: категория героического, духовно-нравственный выбор, культура эмпатии, «вторая волна» эмиграции, «лейтенантская проза», антропологический аспект героического, советская во-енная проза, культурное наследие России.

Для цитирования: Баронова М.О. Особенности репрезентации героического в литературе о Вели-кой Отечественной войне // Вестник Московского государственного университета культуры и ис-кусств. 2023. №3 (113). С. 90-96. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-90-96>

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF THE HEROIC IN LITERATURE ABOUT THE SECOND WORLD WAR

Margarita O. Baranova

Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russian Federation
e-mail: maritaf1@mail.ru

БАРОНОВА МАРГАРИТА ОЛЕГОВНА – аспирант кафедры культурологии, Московский государстven-
ный институт культуры

BARONOVА MARGARITA OLEGOVNA – Postgraduate student of the Department of Cultural Studies, Moscow
State Institute of Culture

© Баронова М.О., 2023

Abstract: The article examines aspects of understanding the category of the heroic in the works of Russian writers dedicated to the Great Patriotic War. A comparative analysis of the ideas and values of the works of emigrant writers of the «second wave» (V. Yurasov, L. Rzhevsky, M. Koryakov, B. Shiryaev, S. Maksimov, V. Samarin) and Soviet military prose (A. Tvardovsky, K. Vorobyov, V. Bykov, Yu. Bondarev), which allows us to identify both the general ideological and value segment and the specifics of emigrant literature. The special role of the anthropological aspect of the heroic in the literature of the presented period is noted with an accentuation of the philosophical understanding of universal values in the «lieutenant's prose» and the culture of empathy in the prose of emigrants. The features of the transfer of military discourse by solving the problem of a person's moral choice and binary oppositions «life-death», «cruelty-mercy» are presented. Conclusions are drawn about the unity of spiritual and moral themes that worried Russian writers in the middle of the XX century.

Keywords: category of the heroic, spiritual and moral choice, culture of empathy, «second wave» of emigration, «lieutenant's prose», anthropological aspect of the heroic, Soviet military prose, cultural heritage of Russia.

For citation: Baronova M.O. Features of the representation of the heroic in the literature about the Great Patriotic War. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 3 (113), pp. 90-96. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-90-96>

В отечественной культуре середины XX века, неразрывно связанной с исторически значимыми событиями Великой Отечественной войны, особую роль играет категория *героического*. Рассматривая воплощение данного феномена в литературе, следует отметить три его функции: защитную, продуцирующую, духовно-просветительскую. Осмысливая сущность *героического*, можно выделить способность к подвигу, то есть готовность мужественно действовать в интересах других людей. Исходя из этого, *героическое* определяется как «крайняя степень бескорыстной храбрости, противостоящей любому реальному или возможному злу». Такая храбрость способна противостоять не только страху, но и страданию, усталости, унынию, отвращению, соблазну. Это исключительная добродетель исключительных людей» [5]. То есть в основе *героического* прежде всего диалектически сложный путь к самому себе, духовная эволюция. Также *героическое* выступает духовно-нравственной культурной ценностью, которая кладется народом в основу своего отношения к драматическим событиям в своей истории: «Понимание истории как развернутого во времени достижения народом своих идеалов и формирования на их основе ценностей, как обусловленных идеалами отношений к природе, другим людям и самому

себе, не содержит в себе ничего противоречивого, если история строится на духовно-нравственных основаниях» [4, с. 44].

Следует отметить, что события Великой Отечественной войны нашли свое глубокое отражение как в «официальной» советской литературе, так и в литературе «второй волны» российской эмиграции. В условиях возрождения интереса к историческому прошлому нашей страны представляется актуальным и своевременным сравнительно-сопоставительный анализ основных идей и нравственных ценностей произведений эмигрантов «второй волны» и советской военной прозы, который позволяет выявить как общий идеально-ценностный сегмент в проблематике произведений, так и специфику эмигрантской литературы.

Особый интерес для исследования представляет диалектика жизненных обстоятельств и нравственных ценностей в литературе данного периода, поскольку для художественно-творческой деятельности важнейшим фактором выступает не только эстетическая сторона, но и нравственные вопросы. В сложный исторический период каждому человеку предстояло совершить нравственный выбор: сохранить целостную систему духовных ценностей и принципов вопреки обстоятельствам или приспособиться к ним. В этой связи выделяется антро-

ологический аспект *героического* – отражение внутреннего мира человека, в том числе через взаимоотношения героя с Родиной. Большое влияние на развитие данного аспекта в литературе эмигрантов «второй волны» оказал роман Владимира Набокова «Подвиг». Для Мартына, героя романа, возвращение на Родину – это не служение ей, а увлекательное путешествие в Россию (Зоорландию) и обратно, чтобы доказать самому себе и любимой им Соне, что он способен на поступок: «Мартын уже знал, что никто и ничто не может ему помешать вольным странником пробраться в эти леса, где... пахнет гарью и тленом... ему мерещилось... что он уже побывал в той одинокой, отважной экспедиции и вот – будет рассказывать, рассказывать» [11, с. 418]. В антропологическом аспекте изображения *героического* традиции В. Набокова находят свое отражение в произведениях эмигрантов, посвященных Великой Отечественной войне (например, в прозе В. Юрасова) и позволяют вывести из забвения важные культурно-исторические страницы жизни нашей страны, связанные с драматическими судьбами наших соотечественников. Сравнительный метод способствует выявлению определенных закономерностей в изображении явлений и событий представителями советской и эмигрантской литературы. Аксиологический метод способствует раскрытию связи нравственных ценностей с культурными, социальными аспектами жизни и личностью.

Анализируя особенности изображения категории *героического* в произведениях представителей литературы «второй волны» эмиграции (Леонида Ржевского, Михаила Корякова, Владимира Юрасова, Бориса Ширяева, Геннадия Андреева, Владимира Самарина), необходимо отметить, что прослеживается четкая связь с «лейтенантской прозой», то есть с произведениями советских писателей, принявших непосредственное участие в Великой Отечественной войне (Виктора Некрасова, Константина Воробьева, Юрия Бондарева, Василия Быкова, Александра Твардовского). Всех авторов отличает способность показать «окопную правду» без прикрас, проанализи-

ровав как мотивы поведения истинных героев, так и источники предательства. Описание военных действий при этом служит фоном для раскрытия внутреннего мира героев и мотивации их поступков, определяющихся прежде всего общечеловеческими ценностями. В данном контексте представляется уместным выявить определенные аналогии между произведениями советских писателей и писателей-эмигрантов «второй волны».

Так, проблемам преодоления страха и взросления героев посвящена повесть советского писателя-фронтовика К. Воробьева «Убиты под Москвой», в которой описана гибель роты кремлевских курсантов в первые военные месяцы. В начале книги юные солдаты направляются на фронт, который рисуется им «зрительным и величественным сооружением из бетона, огня и человеческой плоти» [3]. Они с мальчишеским азартом готовятся к первому бою и с восхищением смотрят на своего командира, не падающего при появлении «юнкерсов». Радостное и возбужденное состояние курсантов помогает передать пейзаж: выпавший снег символизирует юношескую чистоту солдат, их нравственный максимализм. Но очень часто герои Воробьева сталкиваются с грязью и жестокостью. Правдивое описание реалий военной жизни было причиной того, что повесть долгое время не печатали в СССР. Уже в первые дни кремлевские курсанты отчетливо понимают, что кроме патронов и кухни, им не на что расчитывать. Они вынуждены самозарядными винтовками отстреливаться от немецких танков и самолетов; им даже нечем рыть окопы, потому что не хватает лопат, нет кирки. В итоге рота кремлевских курсантов, не успев толком повоевать, разгромлена. Рассказывая о смерти, Воробьев не прибегает к витиеватым фразам, эпитетам, он буднично и просто, как человек, не раз смотревший смерти в глаза, констатирует факты. С повестью К. Воробьева «Убиты под Москвой» перекликается автобиографическая повесть писателя-эмигранта Михаила Корякова «Освобождение души», представляющая читателю ту же неприглядную окопную правду и детальные описания: «...Валю Лукьяннову –

помнишь... ее там убило... Крови от нее и под меня натекло...» [6, с. 22].

Рассказывая о неравной схватке своего героя Ястребова и его товарищей с врагами, К. Воробьев не употребляет слова «героизм», «мужество». Война – работа, курсанты – обычные люди, испытывающие страх перед смертью, презрительность по отношению к убитым. Их судьбы трагичны, к концу повести из всей роты в живых остается только лейтенант Ястребов. Этот же лейтмотив встречается в «Освобождении души» М. Корякова: «Положат под Москвой народишку. До последнего будут биться. – Кого уж и класть-то осталось?» [6, с. 35]. И Воробьев, и Коряков в своих произведениях обращаются к традиционно замалчиваемой в советской литературе теме дезертирства: «Командиры срывали с себя знаки отличия, уничтожали командирские удостоверения и, беспаспортные, сливаются с потоком отступавших, обродяжившихся и никем не управляемых бойцов», – рассказывает очевидец тех событий Коряков [6, с. 63]. Конкретизируя эту тему, Воробьев рассказывает о генерал-майоре Переверзеве, переодевшимся красноармейцем, и майоре НКВД, гонящем в бой кремлевских курсантов.

Трагическое ощущение безысходности, испытываемое героями во время войны, характерно как для произведений эмигрантов, так и для «лейтенантской прозы». В этом отношении повесть «Убиты под Москвой», имеющая кольцевую композицию, перекликается с повестью Леонида Ржевского «Между двух звезд» («Дневник Володи Заботина»). Произведения Л. Ржевского и К. Воробьева объединяет и открытый финал. В конце повести «Убиты под Москвой» единственный оставшийся в живых Алексей Ястребов пытается прорваться из окружения, он «шел и то и дело всхлипывающе шептал... Так было легче идти» [3]. А Л. Ржевский заканчивает свою повесть словами: «Топот под окнами... По коридору... В дверь стучат прикладами... Это...» [12, с. 122]. Мы не знаем, как сложится судьба Алексея: удастся ли ему прорваться к своим, или он обречен на смерть или фашистский плен, как это произошло с Константином Дмитриевичем Во-

робьевым. А герой Ржевского Володя Заботин так и остается наивным романтиком, который не в силах противостоять насильственной депортации, и его судьбу читатель также может лишь домысливать. Сравнивая произведения К. Воробьева, Л. Ржевского, М. Корякова, отмечает сходство жизненных обстоятельств писателей (план, концлагерь у Воробьева и Ржевского) и проблематику произведений (нравственный выбор, становление и взросление героев). Однако прослеживается и отличие: герои Воробьева, несмотря ни на что, борются за победу своей Родины, которая для них едина и неделима, в то время как герои Ржевского и Корякова скорее допускают коллaborационизм, нежели принятие советского режима, который ассоциируется у них с категорией зла.

Несомненные параллели можно провести между произведениями А. Твардовского и В. Юрасова, главным героем которых является былинный богатырь Василий Теркин. В советской литературе, посвященной Великой Отечественной войне, весельчак и балагур, мастер на все руки и мужественный воин, который способен обхитрить даже смерть, стал героем «Книги про бойца» Александра Твардовского. Владимир Юрасов, бывший подполковник советской армии, обращается к образу, созданному Твардовским, в книге «Василий Теркин после войны», состоящей из двух частей: «Теркин дома», «Теркин – оккупант». «Написанное собственно мною по замыслу своему продолжает мотивы и настроения рассказов и песен «Теркиных», которых я встречал» [16, с. 16]. Юрасов планировал написать и продолжение истории Теркина, его приключения в советском лагере, о Теркине-перебежчике. Однако необходимо отметить разницу ценностных ориентиров двух героев: Теркин Юрасова, вернувшись с войны, видит, что жизнь «в краю родном хуже редьки, хуже горькой». Именно поэтому он «за Родину в обиде»: «сторона ему родная показалась сиротой». В отличие от Твардовского, Юрасов отмечает, что «позабыла власть наш правый смертный бой не ради славы, ради жизни на земле» [16, с. 46]. Примером тому служит деревенская простая труже-

ница-мать, которую на родине в лагерях пять лет держали. Герой Юрасова приходит к выводу о том, что, защищая Отчизну, мечтал о другом, в том числе об уничтожении тоталитаризма «железного занавеса» – «отодвинуть эту дамбу с нашей родины родной» [16, с. 169]. Заканчивая «Василия Теркина после войны», Юрасов отмечает, что образ его героя собирательный: «Позабудут – перетрет, перетерпит – вновь откроют, потому что он – Народ» [16, с. 185]. При этом для Теркина Твардовского самым важным является защита Родины в смертельной схватке с внешним врагом, фашистами, тогда как для Теркина Юрасова важнее всего сказать правду о враге внутреннем: «Как обманут властью был, как теперь живется...» [16, с. 169].

В творчестве писателей «второй волны» эмиграции, как и в военной прозе советских писателей, одной из главных является проблема вечных, непреходящих ценностей. Они размышляют о том, совместима ли жестокая реальность войны с милосердием и человечностью. Этим вопросом задается Сергей Максимов в одном из трагических рассказов «Темный лес». Название рассказа символично, ассоциируется с отчаянием и психологически тяжелым оцепенением, «черной пустотой» главного героя – Ирикова, который, сбежав из плена и попав в партизанский отряд, узнает, что его невесту убили фашисты. После этого «не жалость и Бога нес с собой Ириков, а – смерть» [7, с. 5], поэтому и на задание он выбирает себе в спутники вора и налетчика Ваську-Тузу «за звериную жестокость, за презрение ко всему Божескому и человеческому» [7, с. 5]. Однако Максимов показывает состояние внутренней дистармонии героя, когда в их власти оказывается раненая немецкая девочка-санитарка, пытающаяся объяснить Ирикову, что она никому не сделала ничего плохого и скоро должна отправиться в отпуск к своим родителям. Не имея права отпустить пленную, Ириков отдает страшный приказ Тузу: «Поведи будто назад – в лагерь... Пройди шагов двести... И – бей в затылок!» [7]. Однако узнав, что тот перед казнью совершил насилие над девушкой, не задумываясь, убивает и его.

Насилие становится для Ирикова замкнутым кругом, который ему не удается разорвать: он «шел, не видя ничего, поворачивая то вправо, то влево, быть может, кружась по одному и тому же месту и не замечая того» [7, с. 12].

Через аксиологическую парадигму, основанную на ценностных ориентирах, можно рассматривать рассказ «Топор в руке» Владимира Самарина, повествующий о том, как волостной старшина Андрей Галкин лишил жизни парашютиста, убившего его семью. Автор подчеркивает, что возмездие не принесло облегчения герою: «И не мог больше жить он: то дети звали по ночам, то кричал парашютист перед страшной своей смертью» [13], потому и пошел через поле во весь рост, пока партизаны не расстреляли его. В отличие от С. Максимова и В. Самарина, Ю. Бондарев в основе романа «Берег» устанавливает такие нравственные ориентиры, как гуманизм и милосердие. Так, в годы войны молодой лейтенант Вадим Никитин вступает в открытый конфликт с сержантом Межениным, спасая от изнасилования немецкую девушку Эмму. А лейтенант Княжко спасает ее брата Курта, которого был готов пытать командир батареи Гранатуров, который потерял во время войны всех своих близких и руководствующийся поэтому чувством ненависти и мести. В романе Бондарева, так же, как и в остальных произведениях советской литературы, относящихся к «лейтенантской прозе», повзрослевшие мальчики сохранили наивность и верность вечным духовным ценностям. Лейтенант Княжко, не задумываясь, спасает немецких подростков-партизан: «Слушай... Это же наверняка мальчишки... Похоже, мы в упор расстреливаем их!.. Сомневаются, пощадим ли мы их. Боятся в плен... Стой, не стреляй!» [1].

В «лейтенантской прозе» преобладает философское осмысление проблемы духовно-нравственного выбора, тогда как произведения писателей «второй волны» эмиграции в большинстве своем направлены на реализацию культуры эмпатии по отношению к поведенческим проявлениям своих героев. В данной связи характерно сопоставление повести «Кудеяров дуб» Б. Ширяева и повести «Сотников»

В. Быкова. В произведении Б. Ширяева главный герой Всеволод Брянцев, бывший корнет царской армии, преподаватель пединститута в советское время, не задумываясь, принимает позицию немцев, полагая, что с ними связано освобождение России. Вместе с ними он уезжает на Запад. Брянцев аргументирует это тем, что «преодоление зла злом» помогает духовному возрождению Родины. Обращаясь к военному дискурсу, Ширяев создает образы, лишенные психологической убедительности, а поступки героев преимущественно объясняются неприятием советского режима. В произведении преобладает «антитоталитаристский пафос с его откровенной публицистической декларативностью» [9], доминируя над правдой искусства. Между тем данная особенность в целом характерна для произведений писателей-эмигрантов «второй волны» и обусловлена драматическими судьбами авторов – субъектов русской культуры, оказавшихся вдали от Родины в силу целого комплекса социально-исторических причин и личных обстоятельств. Учитывая данную особенность, творчество эмигрантов можно рассматривать как способ раскрытия и детерминации диалектики жизненных обстоятельств и нравственных ценностей авторов произведений, при этом неправомерно оценивать героя только как гносеологического субъекта.

В отличие от «Кудеярова дуба», повесть Василия Былова «Сотников», также посвященная проблеме нравственного выбора, художественно достоверно раскрывает поставленную проблему. Автор прослеживает жизненный путь Рыбака и Сотникова, образы которых построены по принципу антитезы. В начале повести авторские симпатии на стороне Рыбака. Этот физически сильный человек сам вызывается добить продовольствие для партизан, оказавшихся в трудном положении, находит выход в любой ситуации и не бросает раненого товарища. Рыбак сохраняет силу духа, даже узнав, что фашисты подожгли деревню, в которой жила его любимая. Подчеркивая физическую силу Рыбака, В. Быков противопоставляет ему Сотникова – человека со слабым здоровьем, постоянно кашляющего, который является обузой

своему товарищу. Однако, попав в плен, герои словно меняются местами, и каждый из них совершает свой духовно-нравственный выбор. Физически слабый Сотников достойно ведет себя: не сгибается под пытками и даже перед лицом смерти думает не о себе, а о мирных жителях, приговоренных к казни. В то время как Рыбак стремится любой ценой сохранить себе жизнь. Вспоминая о своем бывшем однополчанине, который поступил так же, как Рыбак, писатель-фронтовик Быков писал, что вина Рыбака в том, что он хотел выжить тогда, когда это было невозможно. Выбирая между долгом и жизнью, Рыбак выбирает жизнь, однако, участвуя в казни своего товарища, он переступает нравственную грань и обрекает себя на вечные муки совести. Не случайно, даже ремень, на котором он пытался повеситься после содеянного, не выдерживает и рвется. Эта значимая деталь подчеркивает, что наказание за предательство – это прежде всего суд совести. Повесть В. Быкова относится к военному дискурсу, однако она затрагивает библейские мотивы, напоминая о Христе и Иуде, и проблема, поднятая в ней, является общефилософской.

Таким образом, эвристичность подхода к осмысливанию категории *героического* сближает произведения представителей «второй волны» эмиграции с произведениями советских писателей, оставшихся на Родине. Всех авторов отличает стремление развивать культуру эмпатии у своих читателей, способность показать «окопную правду», способствующую раскрытию внутреннего мира героев. Однако философское осмысливание антропологического аспекта героического в «лейтенантской прозе» представляется более жизнеутверждающе глубоким, чем в произведениях писателей «второй волны», поскольку последние сводятся к объяснению поступков своих героев, прототипами которых служат сами авторы. Герои советской военной прозы совершают сложный духовно-нравственный выбор, военный дискурс при этом раскрывается при помощи бинарных оппозиций «жизнь – смерть», «жестокость – милосердие». Литература «второй волны» эмиграции более субъективна, сосре-

доточена на внутреннем мире человека, оказавшегося в военное время в точке кризиса, а также на противопоставлении человека жестокости окружающего мира, воплощенной не только в милитаристском контексте, но и в тоталитаризме власти.

Идейно-тематическая близость произведений «официальной» советской литературы о войне («лейтенантской прозы») и произведений писателей-эмигрантов «второй волны», приведенные в данной статье параллели между произведениями В. Юрасова и А. Твардовского, Л. Ржевского, М. Корякова и К. Воробьевы,

Б. Ширяева и В. Быкова, С. Максимова, В. Самарина и Ю. Бондарева позволяют нам сделать выводы о единстве духовно-нравственных проблем, волновавших российских писателей в середине XX века, независимо от места их проживания, что в свою очередь указывает на неотъемлемую принадлежность творчества писателей-эмигрантов культурному наследию России и необходимости исследования их литературных работ как установление социокультурных и нравственных связей с Родиной, которую по основанию драматичных коллизий им пришлось покинуть.

Список литературы

1. Бондарев Ю. Берег. Москва: Советская Россия, 1986. 397 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/bondarev3/11.html>.
2. Быков В. Сотников; Обелиск: повести / Москва: ТЕПРА-Книжный клуб, 2005. 285 с.
3. Воробьев К. Убиты под Москвой. Это мы, господи! Москва: Художественная литература, 1987. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/vorobjev_ubity_pod_moskvoj_eto_my_gospodi_1987_ocr.pdf.
4. Китов Ю., Гертнер С. Изменения к основам культурной политики как предмет культурфилософского анализа// Вестник культуры и искусств. 2023. № 1 (73). С. 43–53.
5. Конт-Спонвиль А. Философский словарь = Dictionnaire philosophique/ Москва: Этерна: Палимпест, 2012. 750 с.
6. Коряков М. Освобождение души. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952. 364 с.
7. Максимов С. Голубое молчание. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. 232 с.
8. Максимов С. Денис Бушуев. Москва : РИМИС, 2016. 337 с.
9. Матвеева Ю. Вторая мировая война в восприятии трех волн эмиграции. Екатеринбург, 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41232/1/qr_2_2016_08.pdf.
10. Медведева Т., Бушуева С. Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности Российской эмиграции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 32–41.
11. Набоков В. Облако, озеро, башня: Романы и рассказы. Москва: Московский рабочий, 1989. 701 с.
12. Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. 408 с.
13. Самарин В. Тени на стене: Рассказы. Нью-Йорк : Русская книга, 1967. 74 с.
14. Твардовский А. Василий Теркин: книга про бойца. Москва: Детская литература, 1980. 207 с.
15. Ширяев Б. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1952. 269 с.
16. Юрасов С. Василий Теркин после войны: (по А. Твардовскому). Нью-Йорк : Издательство им. Чехова, 1953. 189 с.

*

Поступила в редакцию 25.05.2023